

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОТДЕЛЕНИЯ ОТ СССР КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОЙ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

***Аннотация.** В настоящее время отношения между Россией и Европейским Союзом характеризуются санкционным режимом, который введен и поддерживается Еврокомиссией (основной орган ЕС). Наблюдается систематическое ужесточение, генерируемое той же Еврокомиссией. В состав Евросоюза входят и страны Прибалтики, которые до 1991 года были частью Советского Союза, а теперь выступают в качестве инициаторов русофобии, ужесточения отношений с Россией, создания трудностей ее внешней политике. Трансформация политических ориентиров в Прибалтике за последние более чем 30 лет связана с тем, что к власти пришли элиты, ориентированные на так называемые евроатлантические ценности и направляющие свою деятельность в ущерб России.*

Ретроспективно просматривается, что эти элиты оказались у власти в период отделения стран Прибалтики от СССР и во время их становления как независимых государств. Исследование показывает, что отделение данных республик происходило при широком использовании политических технологий. В процесс также активно вмешивались иностранные политические структуры. Советское руководство — союзное и республиканское — оказалось не в состоянии противопоставить сепаратистским технологиям адекватные управленческие решения.

***Ключевые слова:** нынешний статус Прибалтики, прибалтийские республики в составе Советского Союза, отделение от СССР, политические технологии, перестройка, прибалтийские политические организации.*

POLITICAL TECHNOLOGIES OF SEPARATION FROM THE USSR AS A SOURCE OF MODERN ANTI-RUSSIAN POLICY OF THE BALTIC COUNTRIES

***Abstract.** At present, relations between Russia and the European Union (EU) are characterized by sanctions regime, which is introduced and supported by the European Commission (the main body of the EU). There is a systematic tightening sanctions generated by the same European Commission. An integral part of the European Union are the Baltic*

states — Latvia, Lithuania, Estonia, which until 1991 were part of the Soviet Union, and now act as initiators of Russophobia, initiators of tightening relations with Russia, initiators of creating difficulties for Russia's foreign policy. The transformation of political orientations in the Baltic States over the past more than 30 years is since local elites have come to power, focused on the so-called Euro-Atlantic values, and directing their activities to the detriment of Russia.

Retrospectively, it is seen that these elites were in power during the separation of the Baltic states from the USSR and during their formation as independent states. The study shows that the process of separation of the Baltic republics from the USSR was built with extensive use of political technologies. Foreign political structures also actively interfered in the process. The Soviet leadership — the Union and the republican ones — proved unable to oppose adequate managerial decisions to separatist technologies.

Keywords: *current status of the Baltic States, Baltic republics within the Soviet Union, separation from the USSR, political technologies, perestroika, Baltic political organizations.*

Нынешняя агрессивная русофобия стран Прибалтики складывалась постепенно, а ее отправной точкой послужили процессы их отделения от СССР в 1991 году, в ходе которых начиналась кристаллизация антироссийской политики, в частности дискриминация русскоязычного населения, предание забвению совместной истории, противодействие российской внешней политике, создание препятствий общению населения.

Важным видится вопрос о том, что представляло собой по содержанию отделение Прибалтики от Советского Союза. Нынешние прибалтийские политические элиты, а также большинство западных политиков склонны представлять то отделение как некий итог многолетней борьбы за независимость. Вместе с тем факты и обстоятельства того времени свидетельствуют больше о применении технологий, то есть политического маневрирования, политических приемов и политических проектов. Обращает на себя внимание и то, что в этих технологиях участвовали зарубежные властные и общественные структуры и иностранные политики.

Теоретические основы

В настоящее время в международном информационном пространстве наблюдается обилие материалов по теме политических технологий, которые представлены как зарубежными, так и отечественными авторами. Из отечественных специалистов можно назвать В.В. Демидченко, А.С. Бурляеву, С.А. Сукалу, А.В. Веснина, А.А. Сазонову и Н.В. Ракчинскую.

Большая часть исследований приходится на 2000-е годы. Резонно и то, что много исследований подготовлено о роли Интернета и средств массовой информации в этом контексте. Однако, затруднительно найти работы, которые посвящены политическим технологиям отдельных стран или отдельных исторических периодов и событий. Справедливо отметить, что относительно недавно — в 2015 году — В.В. Демидченко сделал вывод о том,

что «термин политические технологии относительно нов в политической науке...» [1, с. 140].

Исследуемые нами процессы отделения прибалтийских республик от СССР относятся к более ранним временам, когда политические технологии упоминались редко и вскользь. Они применялись и тогда, притом не реже, чем в наши дни, просто в то время отсутствовали публичные теории политических технологий. Действовали факторы, сдерживающие их обнародование: общий глобальный фон определял фактор биполярного мира, разделенного по идеологическому критерию, в котором стороны дорожили репутацией и избегали публичных действий, вызывавших двусмысленности; глобальные коммуникации только формировались и их возможности ограничивались национальными пространствами. Разительный качественный скачок в области коммуникативных технологий произошел только в конце XX — в начале XXI веков.

Процессы, о которых идет речь в настоящей работе, состоялись до качественных изменений в теории и практике общественно-государственных коммуникаций и, в том числе по этой причине, мало изучены. Сегодня разумно и логично рассмотреть их с точки зрения политических технологий.

В данном исследовании под политическими технологиями понимается совокупность приемов, методов, способов, процедур, используемых политическими субъектами для достижения политических целей, и решения политических управленческих задач.

Тридцать лет независимости

В 2021 году состоялось тридцатилетие даты отделения Латвии, Литвы и Эстонии от Советского Союза. С учетом того, что в мировой историографии присутствуют разные даты обретения этими странами государственной независимости, важно в эту проблематику внести ясность.

Российские специалисты исходят из того, что Латвии, Литве, Эстонии право отделения было предоставлено 6 сентября 1991 года решением Государственного Совета СССР¹. Национальные календари данных стран ведут свой счет, ориентированный на даты образования стран Прибалтики как самостоятельных стран: Литовское государство образовалось 18 февраля, Эстония — 24 февраля, а Латвия — 18 ноября 1918 года. Разнятся от российской версии даты решения Верховных Советов прибалтийских республик о восстановлении независимости: Литва 11 марта 1990 года приняла Акт о восстановлении независимости, Латвия — 4 мая 1990 года Декларацию Республики, Эстония — 20 августа 1991 года Постановление о государственной

¹ Государственный Совет СССР — не предусмотренный Конституцией СССР временный орган государственного управления Союза Советских Социалистических Республик, созданный Законом СССР от 5 сентября 1991 года «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». В Госсовет входили Президент СССР и руководители союзных республик. Состоялось 10 заседаний Госсовета. Государственный Совет СССР действовал до 10.11.1991 г.

независимости. Все три страны отмечают обе даты — и дату образования, и день восстановления независимости.

В отношении прибалтийских народов особый подход был продемонстрирован Соединенными Штатами Америки, которые в канун Второй мировой войны ввели в политический оборот «Декларацию Самнера Уэллеса»². Американская администрация, представленная в то время демократами, ссылаясь на эту декларацию, отказывалась признавать страны Прибалтики частью СССР. Но де-факто в период 1940–1988 годов американцы не будировали вопрос независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

Дата решения Государственного совета СССР о предоставлении независимости Латвии, Литве, Эстонии (06.09.1991 г.) выглядит более весомо и в большей степени востребовано, чем иные версии сроков государственного становления стран Прибалтики. К тому же признание этих государств другими странами и международными организациями, прежде всего ООН, началось только после указанного решения Госсовета СССР.

Что касается самого выхода из состава Советского Союза, то латвийские, литовские и эстонские оппоненты советской власти, ратовавшие за отделение, продвигали несколько опорных тезисов.

Согласно первому страны Прибалтики якобы выделялись самобытностью, опережали в своем развитии другие советские республики, которые пользовались их достижениями и даже в чем-то жили за их счет. Вторым тезисом выражался в том, что якобы членство прибалтийских стран в составе СССР сдерживал потенциал их развития и после выхода из состава Союза они смогут быстрыми темпами выйти на уровень благосостояния таких стран, как Германия и Финляндия.

Эти тезисы были сформулированы таким образом, чтобы они могли быть «правильно» восприняты и некоренным населением прибалтийских республик, составлявшем заметную часть, и найти его поддержку. Действительно, отделение поддержали и некоренные жители, которые не предполагали, что в новых реалиях они окажутся в дискриминационных условиях.

Эти моменты важны тем, что спустя три десятка лет после отделения от прибалтийских руководителей логично было бы ожидать выгодных реляций и отчетов о достижениях. Однако на мероприятиях, посвященных 30-летию отделения, звучали речи не об успехах в социально-экономической сфере, а доминировала критика России как правопреемницы Советского Союза, тиражировались эмоциональные воспоминания о том, как плохо жилось во времена членства в СССР. В мероприятиях принимали участие иностранные гости, в том числе представители Евросоюза,

² «Декларация Самнера Уэллеса» подготовлена по указанию американской администрации (президент Э. Рузвельт) Госдепартаментом США, полномочия руководителя которого в то время исполнял Самнер Уэллес. Декларация представляет собой текст объемом в один лист, содержащий отказ США признавать страны Прибалтики частью СССР. Текст введен в политический оборот в виде публикации 23.07.1940 г. в американских СМИ от имени Госдепартамента США.

которые также концентрировали внимание на критике в адрес современной России.

С точки зрения здравого смысла уместен вопрос о том, какие могут быть претензии к России за последние десятилетия социально-экономического и политического развития стран Прибалтики, которые полагались и полагаются на Евросоюз³ и НАТО⁴?

Причиной отсутствия реляций об успехах было то, что сравнение с членством в СССР оказывалось бы не в пользу периода тридцатилетней независимости. Более того, эвентуальное сравнение характеризовалось бы такими неприятными терминами, как депопуляция, деиндустриализация, коррупция и некомпетентность.

Лукавство организаторов и исполнителей отделения видится в том, что они обходили то обстоятельство, что прибалтийские экономики традиционно были экономиками дотационными, то есть субсидировались извне. Таковыми они остаются и в настоящее время. Так, в Советском Союзе финансовое субсидирование осуществлялось из союзного центра, кроме того странам Прибалтики оказывалась масштабная помощь трудовыми ресурсами и специалистами.

В этой связи уместно взглянуть на то, как формировалось намерение выхода из состава СССР и как оно было реализовано, то есть, какие политические технологии применялись в направлении выхода стран Прибалтики из состава СССР.

К сегодняшнему невзрачному состоянию стран Прибалтики привели те же люди, которые инициировали, организовывали и воплощали тот выход. Напрашивается риторический вопрос: было ли изначально понимание того, куда они ведут свои государства и к какому состоянию придут население и экономики этих стран? Судя по тем временам, оппоненты членства в СССР настолько глубоко находились во власти антисоветизма и под влиянием личных амбиций, что особенно не задумывались над возможными перспективами, полагая, что за порогом СССР обязательно начнется всеобщее благоденствие. Их сегодняшнюю агрессивность в отношении России можно воспринимать как нежелание отчитаться за невыполненные обещания перед населением, то есть у них есть альтернатива: либо говорить по существу и рассказывать, почему не получилось благоденствие в Прибалтике при их власти, либо делать то, что они делают сейчас, наращивая критику в адрес России.

Приведенные факты и исторические обстоятельства показывают, что тема независимости стран Прибалтики носит более широкий характер, чем просто стремление быть отдельными государствами. Безусловно, выделяется фактор США, которые вышеупомянутой декларацией заложили основу

³ Страны Прибалтики стали членами Евросоюза 01.05.2004 г.

⁴ Членство в НАТО страны Прибалтики получили 27.03.2004 г.

и придали движение механизму политических технологий в европейских масштабах, имея в виду превращение Латвии, Литвы и Эстонии в инструмент своего влияния в Европе. Нынешнее состояние дел в российско-европейских отношениях свидетельствует о том, что прибалтийский проект США удался и успешно действует.

Предпосылки отделения стран Прибалтики от СССР

Большинство исследователей дезинтеграции Советского Союза увязывают эту тему с процессами, начатыми во второй половине 80-х годов в СССР и вошедшими в историю как «перестройка».

Ключевым элементом перестройки считается реформа избирательной системы Советского Союза. Реформа была начата по инициативе советского руководства и позиционировалась как инициатива КПСС. В частности, ее необходимость была отражена, как отмечают российские исследователи, в программных документах XXVII съезда партии и состоявшегося в канун этого форума (18.02.1986 г.) Пленума ЦК КПСС [2]. В то же время российские авторы отмечали, что формулировки этих документов носили общий характер и не всегда коррелировались с конкретными предложениями. Тем не менее через год «на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев предложил внести коррективы в избирательную систему, подготовить соответствующий законопроект и всенародно его обсудить» [2].

Главным направлением реформы было названо изменение порядка выдвижения кандидатов на выборные должности и условия их замещения. В практическом плане реформа началась в виде эксперимента в 1987 году по проведению альтернативных выборов в местные Советы. Эксперимент охватил примерно 5 процентов местных Советов и был признан состоявшимся и успешным, хотя проводился в ограниченных масштабах, — только применительно к РСФСР. На наш взгляд, результаты эксперимента не выглядели репрезентативными, — они отражали ситуацию только в одной из 15 советских республик и не учитывали национальные особенности всего Союза.

Все же результаты всенародного обсуждения проекта изменений избирательной системы были закреплены законами СССР от 01.12.1988 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР» [2]. Партийной же основой предстоявших изменений избирательной системы СССР стала резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы», принятая XIX Всероссийской конференцией КПСС 28.06–01.07.1988 года [3].

Однако, материализация реформы проходила неровно и зачастую не соответствовала первоначальному замыслу. Причины заключались в том, что многие организационные вопросы вышли из-под союзного контроля, особенно на уровне советских республик, где республиканское руководство

по-своему трактовало принятые законодательные акты и партийные документы, по-своему же выстраивало практику их применения. Этим стремились пользоваться те, кто был заинтересован больше в получении личных выгод, чем в обеспечении общественного блага. Сказывалось отсутствие подготовленных и опытных кадров, способных должным образом заниматься избирательными процессами. Кроме того «наблюдалась повышенная активность общественных объединений и политических структур, противостоящих КПСС» [4].

Наиболее рельефно организационные издержки реформы советской избирательной системы проявились в ходе кампании по выборам народных депутатов СССР, состоявшихся 26 марта 1989 года.

Выборы по реформированной избирательной системе пробудили активность сил, которые в современной терминологии именуются региональными элитами. Почти везде их деятельность носила национальный и даже большей частью националистический оттенок. В некоторых регионах нарастали сепаратистские настроения.

Среди прибалтийских республик наибольший сепаратизм демонстрировала Литва. Здесь генератором социальной напряженности выступала общественная организация Саюдис (лит. sajudis — общественное движение) [5, с. 692], которая первоначально носила название «Литовское движение за перестройку». На выборах народных депутатов СССР от Литвы были избраны 42 депутата: 36 человек представляли Саюдис; остальные 6 мест заняли представители Коммунистической партии Литвы (КПЛ). Популярность Саюдиса по сравнению с Компартией Республики была обусловлена тем, что основной контингент общественной организации составляли представители научной и творческой интеллигенции, а также общественно активные деятели, в том числе практикующие юристы.

На тот период в Литве более 50 процентов общей численности населения составляли сельские жители [6, с. 19], у которых представители национальной творческой и научной интеллигенции уже по определению пользовались авторитетом. Выдвижение на выборах давало им преимущество перед другими кандидатами. Еще один аспект выборов заключался в том, что сельские жители Литвы придавали большее значение общественному статусу кандидатов, чем их лозунгам.

Явка на выборах составила более 82 процентов. Примечательно, что именно сельский электорат пострадал после отделения Литвы от СССР в том смысле, что здесь, как и во всей Прибалтике, пришлось сокращать сельхозпроизводство, так как оно было ориентировано на рынок СССР.

Возможно Саюдис не вошел бы в историю как движущая сила отделения от СССР, если бы во главе этого движения не оказался В. Ландсбергис. По одной из версий на роль руководителя его выдвинула власть, рассчитывая, что он будет управляемой фигурой, по другой — он сам себя закулисно

предложил официальным органам. Скорее всего, выдвижение Ландсбергиса было итоговым результатом обоих факторов. Он отличался тем, что был вхож во все слои литовской интеллигенции как по характеру, так и семейным традициям, располагал широкими связями и как бы заслуженно претендовал на лидерство. Любопытно, что Ландсбергис отказывался от предложений придать Саюдису характер политической партии, так как в этом случае мог бы потерять единоначалие.

Эстонские власти, действуя по литовскому образцу, создавали преимущества кандидатам-выразителям идеи отделения страны от СССР и продвигали идеи разобщения эстонского общества по этническому принципу. Так, Закон Эстонской ССР от 8 августа 1989 года «О выборах в местные Советы народных депутатов ЭССР» устанавливал ценз оседлости для участия в выборах, вводил ограничения для участия в них военнослужащих, предусматривал перераспределение голосов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1989 года признал не соответствующими Конституции и международно-правовым обязательствам СССР отдельные статьи данного закона, однако, эстонские власти затягивали выполнение Указа и трактовали его исполнение по-своему.

В Латвии официальные государственные органы помимо того, что копировали литовскую и эстонскую схемы создания преимуществ сторонникам отделения от СССР, пошли еще дальше. Здесь власти стали препятствовать призыву латышей в Советскую армию под предлогом необходимости их службы в Латвии. Руководство Республики в 1988 году попросило Минобороны СССР «разрешить направлять в учебные заведения МВД СССР, дислоцированные в Риге, лиц призывного возраста из числа коренных жителей», не призывая их на срочную службу в армию. Акцент был сделан только на коренных жителях. Минобороны СССР дало согласие [9, с. 131].

Складывается впечатление, что подготовка к выборам 1989 года и их результаты стали переломными в том смысле, что ситуация в стране стала быстро выходить из-под контроля союзного руководства и двигаться в направлении дезинтеграции государства.

Национальный вопрос

Оппоненты СССР в странах Прибалтики испытывали трудности в выявлении объективных обстоятельств для недовольства советской властью. В частности, прибалтийские диссиденты не находили веских доводов и значимых фактов того, что идентичность прибалтов как-то и в чем-то поддается.

К примеру, известный литовский диссидент Т. Венцлова отмечал, что «в Литве практически нет литературного самиздата», то есть прибалтийская интеллигенция имела свободу выбора и свободу выражения своего творчества. Он находил объяснение феномена свободы в Прибалтике в том,

что в Литве как и «в большинстве стран народной демократии разрешено почти все, кроме прямой антисоветчины» [7, с. 51]. Эти мысли датируются 27–28 мая 1983 года и высказаны в беседе с советской правозащитницей Р. Орловой [7, с. 608]. Если сопоставить по срокам, то это было за 4 года до событий, известных как «перестройка», которая, как считает большинство, привела к дезинтеграции СССР. Здесь заслуживает внимания то, что в этой и в других многочисленных публикациях Венцловы доминирует правозащитная риторика и отсутствуют соображения о желательности отделения стран Прибалтики от Советского Союза.

Совместимость с политическими технологиями

Коренное население прибалтийских стран в силу своего исторического развития рано усвоило и творчески использовало различного рода маневрирования в отношениях с властями. С давних времен на территориях современных Латвии, Литвы, Эстонии местному населению приходилось сосуществовать с представителями других национальностей. В советские времена руководители республик ввели в оборот идею создания образа Прибалтики как «витрины» Советского Союза для западного мира. Идея прижилась, благосклонно принималась как союзным руководством, так и другими советскими республиками, и давала повод местным властям рассчитывать на обильное субсидирование. В частности, по объемам субсидирования Эстония была безусловным лидером в Советском Союзе.

Социально-экономическое развитие региона поддерживалось за счет добровольно-принудительного направления в Прибалтику специалистов высокого класса. К примеру, построенная в Литве в 1983 году Игналинская атомная электростанция была сооружена специалистами и рабочими из числа персонала действующей в Воронеже атомной электростанции, ими же обслуживалась.

Прибалтийские элиты

Советская, а точнее, партийная идеология (они были тождественны и не отличались друг от друга) не касалась темы региональных элит. Она не вписывалась в социалистическое строительство по той причине, что «марксизм-ленинизм официально не признавал элитологию» [8, с. 11] и придерживался, как известно, теории разделения общества на классы. Парадокс заключался в том, что в стране региональные элиты не только существовали и действовали, с ними считались и в союзном руководстве. Однако, во всяком случае официально, теоретических разработок феномена региональных элит в Советском Союзе не велось.

В большинстве случаев они воспринимались как группы (общность), генерирующие сепаратизм или национализм, или, в крайнем случае, — объединенные принципом экономической выгоды. Это тема почти не была

изучена, и когда возникла необходимость в их понимании, оказалось сложным внести ясность в то, были ли национализм или сепаратизм действительным и главным содержанием региональных элит, или они служили неким инструментом их обособления и консолидации, усиления влияния элит в обществе.

Сомнения в подлинности всякого рода сепаратизма и национализма, на которые в период «перестройки» ссылалась официальная власть, вызывает то, что эти явления практически сразу после обретения прибалтийскими республиками государственной самостоятельности трансформировались сначала в антисоветизм, а затем и в русофобию. К настоящему времени русофобия является едва ли не основой внешней и внутренней политики стран Прибалтики. Не может не привлекать внимания то, что данная политическая трансформация не обладала характером процесса, а произошла почти одновременно.

Если бы сепаратизм и национализм служили действительными идеологическими ориентирами прибалтийских региональных элит, то их стремления к международной обособленности были бы направлены равновекторно и исключали подчинение элит другим силам, — тем же ЕС, НАТО или США. Другими словами, имеются веские основания считать, что прибалтийский сепаратизм и национализм исходно были нацелены на антисоветизм и русофобию.

Опыт стран Прибалтики показывает, что по отношению как к сепаратизму и национализму, так и к стремлению получения экономических выгод и политических привилегий прибалтийские элиты разделялись на несколько групп. Одна группа формировалась из советских и партийных функционеров первого эшелона власти, которые чувствовали себя комфортно при советской власти, но фрондировали, поскольку претендовали на авторитет среди местного населения, в частности, рассчитывали быть его бесспорными представителями перед союзным руководством. После обретения независимости эти элиты выступали за поддержание активных отношений с Россией. К примеру, в Литве лидером таких элит выступал известный политический деятель А. Бразаускас.

Другую группу составляли активные, но малоизвестные общественные деятели второго эшелона власти, — представители творческой и научной интеллигенции. Для них отделение стран Прибалтики от СССР с опорой на национализм служило своего рода политическим «лифтом» их выдвижения на первые роли во власти. Они агрессивно противились поддержанию независимыми прибалтийскими республиками нормальных деловых отношений с Россией, так как такие отношения девальвировали их политический образ.

Характерно, что между названными группами происходило достаточно жесткое политическое противостояние. Как отмечали современники

и участники тех неоднозначных процессов, шла «борьба за влияние в высших эшелонах власти» [10, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает специфический фактор, присущий прибалтийским странам. По мере развертывания региональной сепаратистской деятельности в Латвию, Литву и Эстонию стали прибывать реэмигранты — выходцы из латышских, литовских, эстонских семей, в свое время эмигрировавших в другие страны по разным причинам. Как правило, это были люди, достигшие определенного социально-политического статуса в государствах своего проживания. К примеру, в Эстонию приехал на жительство Томас Хендрик Ильвес, который до возвращения на родину возглавлял эстонское отделение американского «Радио свободы». В дальнейшем он был избран президентом Эстонии (2006–2016). В Латвии обосновалась Вайра Вике-Фрайберга, которая до приезда возглавляла представительство Канады в НАТО. Она стала президентом Латвии (1996–2007). А в Литву вернулся Валдас Адамкус, гражданин США, работавший в американских госструктурах. Он тоже удостоился чести быть избранным президентом Литвы (1998–2003, 2004–2009).

Местные элиты, ориентированные на выход своих стран из состава Союза, выступали как механизм, обеспечивающий социально-политическое выдвижение реэмигрантов на ключевые посты. Их кандидатуры смотрелись предпочтительнее, чем местные активисты. По своему предыдущему опыту реэмигранты владели политическими технологиями, принятыми в странах их происхождения (в основном США и Канада). Они не были стеснены связями, национальными традициями, сложившимися стереотипами и действовали, как показало развитие событий, из расчета, что они находятся в стране временно и не связывают свое будущее со страной пребывания. К примеру, Т.Х. Ильвес и В. Вике-Фрайберга по завершении президентских сроков покинули Прибалтику и вернулись в страны своего проживания. Реэмигранты были воспитаны как идейные оппоненты СССР и фокус своей деятельности устанавливали на антисоветизме и русофобии.

Перечень основных политтехнологий, использованных в странах Прибалтики в процессе отделения от СССР, выглядел примерно таким:

- создание общественных движений в каждой из прибалтийских республик с ориентиром на содействие «перестройке» (1987–1989);
- объединение «перестроечных» организаций в общеприбалтийское движение с приданием ему нового ориентира — выход из состава СССР (1989);
- раскол латвийской, литовской, эстонской компартий на «консерваторов» — сторонников сохранения членства Прибалтики в СССР, и «демократов», поддерживавших лозунг об отделении от Советского Союза (1989–1991). Блокирование «демократов» из компартий со сторонниками выхода из СССР;

– принятие верховными советами стран Прибалтики документов, ослабивших связь прибалтийских республик с СССР: установление верховенства республиканских законов над союзными: провозглашение латышского, литовского, эстонского языков государственными языками соответствующих республик, введение принципа экономической самостоятельности от СССР (1989–1991);

– решения верховных советов о восстановлении независимости: Латвия — Декларация о восстановлении независимости (04.05.1990); Литва — Акт о восстановлении независимости (11.03.1990); Эстония — Постановление о государственной независимости (20.08.1991);

– изменение законодательства о проведении выборов в местные органы самоуправления. Изменения предусматривали введение ценза оседлости, то есть ограничивали некоренное население, исключали участие в выборах военнослужащих, перераспределяли соотношение депутатов в органах самоуправления в тех избирательных округах, где имелось заметное некоренное население;

– формирование таких избирательных округов по выборам на съезд народных депутатов СССР (1989), которые бы обеспечивали большинство сторонникам отделения от СССР;

– приглашение в страны Прибалтики реэмигрантов из США, Канады, Западной Европы и продвижение их на ключевые должности в госаппарате и местных органах управления;

– принятие законов, препятствующих поддержанию деловых, политических, социально-экономических отношений стран Прибалтики с Россией.

Западные оценки прибалтийского вопроса

Американские исследователи «горбачевского» периода СССР отмечали, что ситуация в Прибалтике отражала экономический упадок в СССР: «за три года перестройки государственные расходы превысили доходы на 133 млрд рублей» [12, с. 410], «ускорения в экономике добиться не удалось, провалились и реформы» [12, с. 410]. На этом фоне «активизировался национализм в Прибалтике» [12, с. 411]. Поворотным американские исследователи считают февраль 1989 года. Называют три момента: прибалтийские республики «объявили государственными свои собственные языки», провозгласили экономическую самостоятельность, пообещали ограничить иммиграцию русских и других некоренных национальностей [12, с. 411]. Примечательно, что 6 членов Политбюро подготовили записку по Прибалтике, которая «была ... паническая» [12, с. 411]. По заключению американцев «они (советское руководство) недооценили глубину той ямы, в которую угодили, и переоценили свою способность из нее выбраться» [12, с. 410].

Если американское руководство неприкрыто стремилось к поддержке в Прибалтике тех, кто настаивал на отделении от СССР, то руководители

ведущих стран Европы выступали с другим мнением. Так, президент Франции Ф. Миттеран высказывал в марте 1989 года такую точку зрения: «Если посмотреть шире — Европе не нужны еще 20 государств. Я полагаю, нам надо поменьше вмешиваться во внутренние процессы Советского Союза» [14, с. 31].

Субъективные и объективные трудности «перестроечных» реформ

Давая ретроспективную оценку политике «перестройки», бывший президент СССР М.С. Горбачев признавал ее неудачу и считал причинами то, что «опоздали с реформой партии ... мы опоздали с реформой союза» [11, с. 61].

Разумеется, можно дискутировать о причинах тех негативных процессов, но надо сказать, что на усложнение общей ситуации не меньшее влияние оказали управленческие решения. За рамками внимания «горбачевских» «реформаторов» осталось то, что внутренне Советский Союз в силу своей многонациональности имел глубокие различия в национальных особенностях регионов в части управления социально-экономическими процессами, а также особенностями подходов к взаимоотношениям между республиками.

Системная ошибка видится и в том, что реформы были начаты одновременно во всех областях. Логично, что на них не хватало финансов, не было достаточно кадров и не была отработана методика их осуществления.

Еще одна ошибка состояла в том, что за основу был взят опыт и методические указания американских экономистов. Присутствовала иллюзия того, что на территории СССР можно воспроизвести в полном объеме во всех нюансах и в полном виде американскую экономику, которая по-своему уникальна, как уникальны экономики любых других стран.

Хаотичный характер «перестройки» демонстрировал слабость союзного партийного и государственного руководства. К примеру, когда 11 мая 1989 года на заседании Политбюро заслушивали руководителей компартий Латвии, Литвы и Эстонии, Горбачев, по свидетельству очевидцев, «был спокоен и даже безмятежен» отождествляя активность оппонентов союзного Центра в Прибалтике с настроениями всего прибалтийского населения [12, с. 411]. Поведение Генерального секретаря и примирительная тональность обсуждения темы Прибалтики в высших эшелонах власти деморализующе действовали на партийные и государственные органы прибалтийских республик и в то же время придавали силы оппонентам советской власти.

Чувствовалось, что в союзном руководстве не было полного понимания ситуации, а во многих случаях решения принимались рефлексивно. Примером может быть вердикт союзного руководства об энергетической блокаде Литвы, которая оказалась контрпродуктивной для союзного руководства и продуктивной для его оппонентов. Непродуманные меры, а речь здесь

идет о некомпетентных управленческих решениях союзного руководства, содействовавших сепаратистским настроениям, привели к консолидации большинства прибалтийского населения вокруг элит, настроенных на сепаратизм.

Оформление отделения от СССР

Объединение стран Прибалтики в намерении отделения от СССР выглядит искусственным. Исторически каждая из прибалтийских республик развивалась по своей траектории. Латвия, Литва и Эстония различаются этнически, особенно выделяется Эстония, принадлежащая к финно-угорской группе народов. У них различная конфессиональная основа: в Литве преимущественно представлен католицизм, в Латвии преобладает протестантизм, в Эстонии исповедуется в основном лютеранство. Перечисленное формирует отдельный для каждой из прибалтийских стран национальный менталитет. Все вместе создает национальную идентичность — свою для каждой из стран.

Инициаторами и носителями идеи отделения стран Прибалтики от СССР выступали национальные общественные организации Латвии, Литвы, Эстонии, сложившиеся в 1987–1988 годах в период «перестройки», действовавшие независимо друг от друга в своих странах и первоначально фокусировавшие свою активность на вопросах улучшения условий социально-экономического развития и расширения его перспектив. Позже — в ускоренном темпе — в 1989 году они переквалифицировались в движения за предоставление независимости и объединились в общеприбалтийское движение. В 1989–1990 годах объединение усилий по отделению от СССР было закреплено на межгосударственном прибалтийском уровне [13].

Судя по тому, что метаморфозы деятельности перестроечных организаций, шаги по консолидации Латвии, Литвы, Эстонии в намерении отделиться от СССР сопровождались направлением от государственных структур писем в Конгресс США и встречами прибалтийских руководителей с американским президентом (Дж. Буш-старший), соображения по приданию антисоветской направленности могли привноситься извне.

На этом фоне ошибочной видится позиция союзного руководства к процессам прибалтийской консолидации. Так, осталось без должной реакции обращение к Горбачеву Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (в то время председатель Арнольд Рюйтель), предлагавшего обсудить результаты республиканского референдума, организованного в Эстонии до проведения общесоюзного референдума о судьбе СССР [14].

Представляется, что правильным управленческим решением союзного руководства было бы рассмотрение отдельно каждой из прибалтийских республик просьбы или обращения об отделении. Это можно было бы

разнести во времени и каждой из республик предоставить разные условия выхода, что не способствовало бы их консолидации, а в дальнейшем — использованию их против России. Отдельное рассмотрение эстонского обращения могло бы начаться с уточнения законности республиканского референдума, его транспарентности и презентативности. Возможно, это охлаждающе подействовало бы и на Латвию и Литву.

Симптоматично, что до событий, которые квалифицируются как путч 20 августа 1991 года, в Эстонии не было окончательного решения об отделении от СССР. Речь идет о том, что между сторонниками и оппонентами наблюдалось определенное равновесие. Решение о независимости было принято в день путча.

Распространена гипотеза, что причиной путча 19–20 августа 1991 года могла послужить непоследовательность Горбачева. В пользу этой версии говорит то, что одним из первых решений в послепутчевое время стало предоставление 6 сентября 1991 года независимости странам Прибалтики. Пока мало исследована данная поспешность и то, почему через две недели после фиаско путча потребовалось принять решение по отделению Прибалтики от Советского Союза, которое стало главным вопросом первого заседания, созданного 5 сентября 2022 года Государственного Совета СССР [15]. Некоторые исследователи склонны воспринимать это решение как толчок к движению в направлении дезинтеграции Советского Союза, состоявшегося 26 декабря 1991 года.

Выводы

Процесс отделения прибалтийских республик от СССР изначально был чреват применением политических технологий, прежде всего, в силу многолетней вовлеченности в него США через Декларацию Уэллеса. Сторонники отделения утаивали от населения то обстоятельство, что страны Прибалтики исконно отличаются дотационностью экономик, то есть им для нормального функционирования необходимы внешние финансовые вливания либо в виде заимствований, либо в виде дотаций и субсидий.

Ослабляющим позицию руководства СССР по отделению стран Прибалтики были их быстрые шаги по консолидации своих усилий. Союзное руководство не смогло взять верный тон и найти нужные развязки. Сторонники отделения от СССР умело пользовались «перестроечной» фразеологией и владели инициативой. Они сумели оттеснить от власти просоветских деятелей и создать плацдарм для передачи власти элите реэмигрантов.

Союзное руководство запаздывало с принципиальными выводами, не всегда верно оценивало ситуацию на местах и зачастую генерировало ошибочные управленческие решения. Отделение Прибалтики от СССР стало сложением активности прибалтийского антисоветского лобби и пассивной неадекватной реакции союзного руководства.

Список литературы

1. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность формы и виды // Политология. 2015. № 12.
2. Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и РСФСР в 1990 г. [Электронный ресурс] / Раздел: выборы в советский период / Портал РЦОИТ / URL: <https://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17243/> (дата обращения: 31.07.2022).
3. Итоги партийного и всенародного обсуждения проекта изменений избирательной системы СССР [Электронный ресурс] Материалы XIX Всероссийской конференции КПСС. М., 1988. С. 120. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6454-preobrazovanie-izbiratel'nogo-zakonodatelstva-sssr-ehtap-gosudarstvenno-pravovoj> (дата обращения: 31.07.2022).
4. Голубихина Н.В., Назарова Е.А. Выборы депутатов местных советов в условиях перестройки 1985–1991 гг.: политико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-deputatov-mestnyh-sovetov-v-usloviyah-perestroyki-1985-1991-gg-politiko-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения: 31.07.2022).
5. Antanas Liberis. Литовско-русский словарь. 951 с.
6. Литва. Краткая энциклопедия. Вильнюс: Главная редакция энциклопедий, 1989.
7. Венцлова Томас. Пограничье. Публицистика разных лет. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 640 с.
8. Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.
9. Кабанов Н.Н. Секреты Советской Латвии. Из архивов ЦК КПЛ. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 136 с.
10. Альгирдас Бразаускас. Пять лет президента. События, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002. 619 с.
11. Интервью главного редактора журнала «Историк» В. Рудакова с Президентом СССР М. Горбачевым в 2010 г. в канун 25-летия «перестройки» // Историк. 2022. № 10(94).
12. Горбачев. Его жизнь и время / Уильям Таубман; пер. с англ. Татьяны Азаркович и Ольги Тихомировой. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 768 с.
13. Предыстория Балтийской Ассамблеи (совещательный орган парламентов Латвии, Литвы, Эстонии) [Электронный ресурс — англ. язык] / Портал Балтийской Ассамблеи. URL: <https://www.baltasam.org/history/pre-history/> (дата обращения: 10.10.2022).
14. Тармо Вахтер. Эстония: жаркое лето 91-го / Таллинн, 2012. 392 с.
15. Сообщение о первом заседании Государственного Совета СССР от 06.09.1991 [Электронный ресурс] // портал информагентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/30years/785855> (дата обращения: 12.10.2022).